НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МІРСКІЯ ДУМЫ

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе М. В. Аверьянова.
1916

M.B.L.

МІРСКІЯ ДУМЫ.

Гос.
Публичная
Библиотека
в

Памяти храбрыхъ.

* *
*

Въ этотъ годъ за святыми обѣднями
Строже лики и свѣчи чаднѣй,
И выходятъ на паперть послѣдними
Дѣтвора да гурьба матерей.

На завалинахъ рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальныя шепчетъ слова.

Посидѣлки, какъ трапеза братская,—
Платъ по брови, послушнѣй кудель,
Только изрѣдка матерь солдатская
Поведетъ причитаній свирѣль:

„Полетай, моя дума болѣзная,
Дятломъ-птицею въ сыръ-теменъ боръ“...
На загуменьи-жъ поступь желѣзная—
Полуночный Егорьевъ дозоръ.

Ненарокомъ заглянешь въ оконницу—
Видишь въявь, какъ отъ сѣверныхъ водъ
Копьеносную звѣздную конницу
Страстотерпецъ на западъ ведетъ.

Какъ влачитъ по ночнымъ перелѣсицамъ
Сполохъ-конь аксамитный чапракъ,
И налобникомъ яснымъ, какъ мѣсяцемъ,
Брезжитъ въ ельникъ, пугаючи мракъ.

---

* *
*

Что ты, нивушка, чернешенька,
Какъ въ нужду кошель порожнешенька,
Не взрастила ты ржи-гуменницы,
А спелегала—къ солнцу выгнала
Неѣднякъ-траву, съ горькой пестушкой?

Оттого я, свѣтъ, чернотой пошла,
По омежинкамъ замуравѣла,
Что по ведру я не косулена,
Послѣ бѣлыхъ росъ не боронена,
Рожью низовой не засѣяна...

А и что ты, изба, пошатилася,
Съ парежа-угара, аль съ выпивки,
Али съ позднихъ просонокъ разхамкавшись,
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь воротъ—рта беззубаго,
Креня въ сторону шоломъ—голову?

Оттого я, свѣтъ, шатуномъ гляжу,
Не смыкаю рта деревяннаго,
Что отъ бѣла дня до полуночи
„Воротись“ вопю доможирщику,
Своему-ль избяному хозяину.
Вопія, надорвала я печени:
Глинобитную печь съ теплымъ дымникомъ.
Видно утушкѣ горькой—хозяюшкѣ
Вѣковать приведется безъ селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремень да супесь горючая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождикомъ ты не умывана,
Не отерта туманомъ-ширинкою,
Али лапоть съ клюкой-непосѣдою
Больно колютъ стоверстную спинушку?

Оттого, человѣче, я куревомъ
Замутилась, какъ плесо отъ невода,
Что по мнѣ проходили солдатушки
Съ громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пѣли: „лебедушку
Заклевать солеталися вороны“,
Другъ со другомъ крестами мѣнялися,
Полагали зароки великіе:

„Постоимъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу-весну съ зорькой-свѣченькой
Надъ мощами полѣсій затепленной!..“
Стороною же, рыси лукавѣе,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмѣчая на хартіи,
Какъ ярыга, досрочныхъ покойниковъ.

Ахъ, ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликушѣ осинушкѣ,
Что отъ хвойнаго звона да ладона
Бьетъ въ ладошки и хнычетъ по-заячьи,
Ты-жъ сплетаешь зеленое кружево
Отъ коклюшекъ рѣсницъ не здымаючи,
И ни мѣсяцъ-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоихъ дѣвичьихъ.
Молви, елушка, съ горя, аль съ устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топоръ ли тебѣ примерещился,
Печь съ бѣленымъ, развалистымъ жарникомъ:
Пышетъ пламя, съ таганомъ бодается,
И горишь ты въ печищѣ, какъ грѣшница?

Оттого, человѣче, я выгляжу
Срубомъ-церковкой въ пущѣ забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сынѣ молилася:

Она кликала грозныхъ архангеловъ,
Дѣву-Пятенку съ Теплымъ Николою,
Припадала, какъ къ зыбкѣ, къ валежинѣ,
Называла валежину Ванюшкой;
Послѣ мохъ, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернѣлые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Какъ умѣла родную утѣшила...
Слезы жъ матери—жито алмазное,
На пролетѣ склевала кукушица,
А склевавши она спохватилася,
Что не птичье то жито, а Божіе...
Я считаю ку-ку покаянныя
И въ коклюшкахъ, какъ въ требникѣ, путаюсь.

———

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ.

Какъ у кустышка у ракитова,
У колодечка у студенаго,
Не донской казакъ скакуна поилъ,—
Молодой гусаръ свою кровь точилъ,
Вынималъ съ сумы полотенышко,
Перевязывалъ раны черныя...
Ужъ какъ девять ранъ унималися,
А десятая, словно варъ кипитъ...

Съ бѣлымъ свѣтомъ гусаръ сталъ прощатися,
Горючьми слезми уливатися:
„Ты прощай-ка, родимая сторонушка,
Что-ль бажоная теплая семеюшка!
Ужъ вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свѣчи мѣстныя,—
Ставьте свѣченьку въ ноги рѣзвыя,
А другую мнѣ къ изголовьицу!
Ты, смеретушка—стара тетушка,
Тише бѣла льна выпрядь душеньку."

Откуль-неоткуль добрый конь бѣжитъ,
На конѣ-сѣдлѣ удалецъ сидитъ,
На немъ жаръ-булатъ, шапка-золото,
Съ устъ текутъ меды—рѣчи братскія:
„Ты признай меня, молодой солдатъ,
Я дозоръ несу у небесныхъ вратъ,
Меня ангелы славятъ Митріемъ,
Преподобный ликъ—Свѣтъ-Солунскіимъ.
Объѣзжаю я Матерь-Руссію,
Какъ цвѣты вяжу души воиновъ...
Ужъ ты стань, солдатъ, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель къ солнцу красному.
А оттуль тебѣ мостовичина
Ко маврійскому дубу-дереву,—
Тамъ столы стоятъ неуѣдные,
Толокно въ меду, блинникъ масленый;
Стежки торныя поразметены,
Сукна красныя поразостланы“.

---

* *
*

Луговыя потемки, омежки, стога,
На пригоркѣ ракита—сохачьи рога,
Захлебнулась тальянка горючею мглой,
Голоситъ, какъ въ поминокъ, семья по родной:
„Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
Сѣнокосныя зори прошли,
Августъ-дѣдъ, бородища снопомъ,
Подарилъ гармониста ружьемъ.
Эхъ-ма, старый, не грызла-бъ печаль,
Да родимой сторонушки жаль.
Чуетъ мѣдное сердце мое,
Что погубитъ парнюгу ружье,
Что отъ пули ему умереть,
Мнѣ-жъ поминныя приплачки пѣть!..“
Луговыя потемки, какъ платъ;
Будетъ съ парня пригожій солдатъ,
Только стогъ-бородачъ да поля
Не услышатъ ночного „та-ля“...

Мѣднымъ плачемъ будя тишину,
Насулила тальянка войну.

СОЛДАТКА.

Скучно молодешенькѣ у свекра жить въ дому,
Мнѣ питье въ досадушку, ѣда не по уму,
Русы мои косыньки повысѣклися,
Бѣлыя руки примозолилися,
Животы-приданое трунь взяла!

Погляжу я, бѣднушка, въ стекольчато окно,—
Не увижу-ль милаго за рядой во торгу.
Ахъ, не торгъ на улицѣ, не красная гульба,
А лежитъ дороженька Коломенская!..

Какъ по этой-ли дорогѣ воевать милой ушелъ,
Издалеча слалъ поклоны, куньей шапкою махалъ,
На поминъ зеленой ивѣ часто вѣтье заломалъ:
„Молъ, пожди меня, сударка, покуль ива зелена,
А какъ ива облетитъ, втымежъ я буду убитъ,
Меня вѣтеръ отпоетъ, полуночь глаза сомкнетъ,
А поплачутъ надо мной воронье съ ковыль-травой!“

МІРСКАЯ ДУМА.

Не гуси въ отлетъ собирались,
Не лебеди на озерѣ скликались,—
Подымались мужики—Пудожане,
Съ заонежской кряжистой Карелой,
Съ каргопольскою дикой Лѣшнею,
Со всею полѣсной хвойною силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую матерь-пустыню,
За березыньку съ вѣщей кукушкой...

Изъ-подъ ели два-десять вершинной,
Отъ сиговья Муромскаго плеса,
Подымался Лазарь преподобный
Ратоборцамъ дать благословенье,
Провѣщать поганыхъ одолѣнье...
Вопрошали Лазаря Лѣшане,
Каргополы, Чудь и Пудожане:

„Источи намъ, Лазаре всечудный,
На мірскую думу сказъ медвяный:
Что помѣха злому кроволитью
Умъ-хитрецъ, аль пѣсня-межеумка,
Бѣлый воскъ, аль черное желѣзо?“
Рекъ святой: „пятьсотъ годинъ въ колодѣ
Почивалъ я, объ умѣ не тщася,
Смерть моихъ костей не обглодала,
Изъ тѣлесъ не выплавила сала,
Чтобъ отлить свѣчу, чей брезгъ бездонный
У умершихъ теплится во взорѣ,
По ночному кладбищу блуждаетъ,
Черепа на плитахъ выжигая;
А желѣзо проклято отъ вѣка:
Имъ любовь пригвождена ко древу,
Сожалѣнью ребра перебиты,
Простотѣ-же въ міръ врата закрыты.
Бѣлый воскъ и пѣсня-недоумка
Истекли отъ вербы непорочной:
Точитъ верба восковыя слезы,
И ведетъ зеленый тайный причитъ
Про мужицкій рай, про пиръ вселенскій,
Про душевный градъ, гдѣ „Свѣте тихій“.
И тропарь зеленый кто учуетъ,
Тотъ на тварь обуха не подниметъ,
Не подрубитъ яблони цвѣтущей,
И весломъ бездушнымъ водъ не ранитъ“...

Поклонились Лазарю Лѣшане,
Каргополы, Лопь и Пудожане:
„Сказъ блаженный, какъ баю надъ зыбкой,
Что пѣвала бабка Купариха
У Дедери Храбраго на свадьбѣ“.
Былъ Дедеря лютъ на кроволитье;
Послѣ-жъ пѣсни сталъ, какъ лѣсъ осеннiй,
Сердцемъ въ воскъ, очами въ хвой потемки,
А кудрями въ прожелть листопада.

---

* *
*

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшкѣ слыла,
Не носила-бъ пятишовки съ галуномъ,
Становицы съ оподольникомъ,
Еще чалыхъ косъ подъ сборникомъ,—
Промѣняла-бы я жарникъ съ помеломъ
На гнѣдого съ плящимъ огненнымъ ружьемъ,
Ускакала-бы со свекрова двора
Въ чужедальщину, гдѣ вражьи хутора,
Гдѣ стануетъ бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьяго гнѣзда;
Разразила-бы я огненнымъ ружьемъ,
Супротивника съ нахвальщикомъ-царемъ.
„Не хвались-де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мірскую благодать,
Лучше выдай-ка за черныя вины
Изъ ордынской государевой казны
На мужицкій полкъ алтыновъ по лубку,
А на бабій чинъ камлоту по куску,
Старикамъ по казинетовымъ портамъ,
Бабкамъ-клюшницамъ по краснымъ рукавамъ;

Еще дитятку Алешенькѣ
Зыбку съ пологомъ алешенькимъ,
Чтобы пологъ былъ исподомъ канифасъ,
На овершьи златоризый чудный Спасъ,
По закромкамъ были-бъ рубчаты мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусѣло-бъ его платьице
Въ новой горенкѣ на матицѣ!“

ПОМИННЫЙ ПРИЧИТЪ.

Покойныя солдатскія душеньки
Подымаются съ поля убойнаго
До подкустья онѣ—малой мошкою,
По надкустью же—мглой столбовитою,
Въ Божьихъ воздухахъ синью мерещатся,
Подаютъ голоса лебединые,
Словно съ озеромъ гуси отлетные,
Съ свято-русской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной
Входятъ души въ обличіе плотское,
Ихъ встрѣчаютъ тамъ горніе воины
Съ грознокрылымъ Михайломъ архангеломъ,
По три-краты лобзаютъ страдателей,
Изгоняютъ изъ душъ боязнь смертную.
Опосля ихъ ведутъ въ храмъ апостольскій—
По своимъ тѣлесамъ окровавленнымъ
Отстоять поминальную служебку.

Правитъ службу имъ Аввакумъ пророкъ,
Чтетъ писаніе Златоустъ Иванъ,
Херувимскій ликъ плещетъ гласами,
Солнце-колоколъ точитъ благовѣстъ.

Какъ улягутся вѣи сладкіе,
Сходитъ Божій Духъ на солдатушекъ,
Словно теплый дождь озимь ярую,
Насыщая ихъ брашномъ ангельскимъ,
Горечь бренныхъ дней съ нихъ смываючи,
Раны черныя заживляючи...

На послѣдки же громовникъ Илья,
Со Еремою запрягальникомъ,
Снаряжаютъ имъ поѣздъ огненный,—
Звѣздныхъ мериновъ съ колымагами,
Отвезти гостей въ преблаженный рай,
Гдѣ страдателямъ уготованы
Веси красныя, избы новыя,
Кипарисовымъ тесомъ крытыя,
Пожни сѣнныя—виноградъ-трава,
Пашни вольныя, безплатежныя—
Все солдатушкамъ уготовано,
Храбрымъ душенькамъ облюбовано.

---

* *
*

Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, сѣдые кремли,—
Злымъ вороньемъ басурманы
Русскій рубежъ облегли!

Чуется волчья повадка,
Рысье мяуканье, вой...
Аль булавы рукоятка
Съ нашей не дружна рукой?

Али шишакъ златолобый
Намъ не по ярую бровь?
Пусть богатырскіе гробы
Кроетъ ковыльная новь,—

Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и понынѣ блюдутъ...
Чуръ насъ! Вѣщуньи-сороки
Щокотъ недобрый ведутъ,

Въ сутемень плачутъ гагары,
Заяцъ валежникъ грызетъ,—
Будутъ съ накладомъ товары,
Лютъ на поганыхъ походъ.

Громъ отъ булатныхъ ударовъ
Слаще погудной струны...
Радонежъ, Выгово, Саровъ,—
Нашихъ именъ баюны.

Гей, отзовитеся дѣды,—
Правнуковъ мечъ не ослабъ!
Витязю послѣ побѣды
Мѣсто въ свѣтелкѣ у бабъ.

Ждутъ его сусло, что пѣнникъ,
Гребень-шептунъ передъ сномъ,
Въ банѣ-жъ духмянистый вѣникъ,
Шайка съ рѣзнымъ ободкомъ.

Хата чужбины не плоше,
Къ суслу кто-жъ больно охочъ,—
Съ первой веселой порошей
Зыбку для первенца прочь.

Яраго кречета раны
Сыну-орлу не въ изъянъ...
Миръ вамъ, сѣдые курганы,
Тучи, сказитель-бурьянъ!

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТЪ.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочекъ,
При дороженькѣ слезный утеряла.
А и дождикомъ плата не мочитъ,
Подкопытнымъ пескомъ не заноситъ...
Шелъ дорогой удалый разбойникъ,
На платокъ, какъ на злато, польстился—
За корысть головой поплатился.
Проѣзжалъ посидѣлецъ гостиный,
Потеряжку почелъ за прибытокъ—
Получилъ перекупный убытокъ...
Пробирался въ пустыню калика,
Съ неугасною свѣченькой въ шуйцѣ,
На устахъ съ тропаремъ перехожимъ;
На платокъ онъ умильно воззрился,
Величалъ его честной слезницей:
«Ай-же платъ, много въ устье морское
Льется рѣчекъ, да счетъ ихъ извѣстенъ,
На тебѣ-жъ, словно росъ на покосѣ,
Не исчислить болѣзныхъ слезинокъ!

Я возьму тебя въ красную келью
Пеленою подъ Гуріевъ образъ,
Буду Гурію-Свѣту молиться
О солдатѣ въ побоищѣ смертномъ,—
Чтобы вражья поганая сабля
При замашкѣ закалъ потеряла,
Пушки-вороны пѣсенной думы
Не вспугнули-бы граемъ желѣзнымъ,
Чтобъ полѣсная яблоня-пѣсня,
Чьи цвѣты плащаницы духмяннѣй,
На Руси, какъ вѣха зеленѣла,
И казала-бы къ раю дорогу!»

РУСЬ.

Не косить дѣтинѣ пожен,
Не метать крутыхъ стоговъ,
Кладенецъ изъ красныхъ ноженъ
Онъ повынулъ на враговъ.

Наговорна рукоятка,
Лезвіе—свѣтлѣй луча,
Будетъ ворогу не сладко
Отъ мужицкаго меча!

У дѣтины кудри—боры,
Грудь—Уральскіе хребты,
Волга рѣченька—оборы,
Море синее—порты.

Онъ возсталъ за сирыхъ братовъ,
И, возмездіемъ горя,
Палъ на лысину Карпатовъ
Кладенецъ богатыря.

Можно-бъ вспять, поправши злобу,
Да покинешь-ли одну
Русь Червонную—зазнобу
Въ басурманскомъ полону!

Гоже-ль свадебную брагу
Не въ Бѣлградской гриднѣ пить,
Да и какъ же Дружку—Прагу
Рушникомъ не подарить!

Дѣду Кіеву похула
Алый краковскій жупанъ...
Словно хворостъ, пушекъ дула
Попираетъ великанъ.

Славься Русь! Краса-дѣвица
Ладь колечко и фату,—
Ужъ спрядаетъ заряница
Бранной ночи темноту.

Вспыхнетъ день подъ небосклономъ,—
Молодыхъ въ землѣ родной
Всеславянскимъ брачнымъ звономъ
Встрѣтитъ Новгородъ сѣдой!

БЕСѢДНЫЙ НАИГРЫШЪ,

СТИХЪ ДОБРОПИСНЫЙ,

„Его же въ павечернее междучасіе пѣти подобаетъ, съ малымъ погрецомъ ногтевымъ и суставнымъ“.
Изъ Отпуска—тайнаго свитка олонецкихъ сказителей скрытниковъ.

По рожденьи Пречистаго Спаса,
Въ житіе премудрыя Планиды,
А въ успенье Поддубнаго старца,
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плѣшью,
Въ сторонѣ, гдѣ солнышко ночуетъ
На кошмѣ, за пологомъ кумачнымъ,
И гдѣ ночь-горбунья зелье варитъ,
Чернитъ косы копотью да сажей,
Подъ котломъ валежины сжигая,
Народилось желѣзное царство
Со Вильгельмищемъ, ца́рищемъ поганымъ.—
У него ли, нечестивца, войска—сила,
Порядоваго народа—несусвѣтно;
Они вѣруютъ Лютеру-богу,

На себя креста не возлагают,
Великаго говѣнія не правят,
Въ Семикъ-день вѣника не рядят,
Не парятся въ парной парушѣ,
Нечистаго духа не смывают,
Опосля Удилену не кличут:
«Матушка ржаная Удилена,
Расчеши солому—золот волос,
Сдобри бражкой, патокою колос»...

* * *

Не сарыч кричит за буераком,
На свѣжье дѣтенышей сзывая,
И не рысь прыскучая лѣсная
Въ ночь мяучит, теплой кровью сыта,—
То язык злокозненный глаголет,
Царь желѣзный пыхает рѣчами:
«Голова моя—умок лукавый,
Поразмысли—ты, пораскумекай,
Мнѣ кого-б въ желѣзо заковати?
Ожелѣзил землю я и воды,
Полонил огонь и пар шипучій,
Вѣтер, свѣт колодниками сдѣлал,
Нынѣ-ж я, как куропоть въ ловушку,
Свѣтел Мѣсяц съ Солнышком поймаю:
Будет Мѣсяц, как пѣтух на жердкѣ,
На острожном тынѣ перья чистить,

Брезжить зобомъ въ каменныя норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солнцу-жъ я за спѣсь, за непокорство,
Съ ногъ разую красныя бахилы,
Желтый волосъ, усъ лихой косатый.
Остригу на войлокъ шерстобитамъ.
Съ шеи Солнца бобчатую гривну
Кобелю отдамъ на ожерелокъ,
Повалю я краснаго спѣсивца
На полати съ бабой шелудивой —
Ровня ль будетъ соколу ворона?“

Неѣдуча солодяга безъ прихлебки,
Два же дѣла безъ третьяго не гожи,
Третье жъ дѣло—гуменная работа.
Выжать рожь на черниговскихъ пашняхъ,
Волгу-матку разлить по бутылямъ,
Съ питуховъ барыши загребая,
Съ уха-жъ Стенькина славнаго кургана
Сбить литую куяшную шапку,
А съ Москвы, боярыни вальяжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплесть съ косъ подбрусникъ златотканный,
Осыпные перстни съ ручекъ сбросить.
На послѣдки-жъ мощи Макавея
Истолочь въ чугунной полуступѣ,
Пропустить труху черезъ рѣшета,

И отсѣвкомъ выбѣлить печища,
А поповъ, игуменовъ московскихъ
Положить подъ мяло, подъ трепало—
Лоско-ль будетъ черное мочало!...

* * *

Не медушникъ-цвѣтикъ поитъ дрема
Па-вечерней сыченой росою,
И не крестъ—кладбищенскій насельникъ,
Словно столпникъ, въ тайну заглядѣлся—
Мать-Планида на Руси крещеной
Отъ страды келейной задремала.
Былъ ли сонъ, аль малыя просонки,
Только въявь Планидушкѣ явились
Петръ апостолъ съ Пятенкою-дѣвой.
И рекли святые: «Мать-Планида,
Подъ скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на рѣзвы ноги,
Повѣсти-ка Русь о супостатѣ.
Не бери въ гонцы гуляку Вихря,
Ни сестрицъ Сутемокъ чернокосыхъ,
Ни Мороза съ Зоемъ перекатнымъ:
Вихрю плясъ, присвистка да присядка,
Балалайки дробь—всего милѣе,
Недосугъ Сутемкамъ, имъ отъ Бога
Данъ наказъ Зарѣ кокошникъ вышить,

Рыбьи глазки съ зеньчугомъ не спутать,
Корзнымъ стегомъ выпестрить очелье.
У Мороза же не гладки лыжи,
Гдѣ пройдетъ, тамъ насты да суметы,
Въ теплыхъ пимахъ, въ малицѣ оленьей,
На ходѣ морозушко сопрѣетъ,
А сопрѣвъ, по падямъ, по низинамъ
Расплеснется рѣчкой половодной.
Звонаря же Зоя брать негоже,—
Безъ него трущоба—скитъ безъ била,
Зой ку-ку загозье, гомонъ съ гремью
Шаргунцами вѣшаетъ на сучья;
Ввечеру-жъ монашкомъ сладкогласнымъ
Часословъ за елями читаетъ...
Ты прими-ка, матушка Планида,
Во персты отмычки золотыя,
Пробудившись, райскими ключами
Отомкни синь-камень несѣкомый,
Вызволь ты изъ каменной неволи
Паскарагу, ангельскую птицу,
Супротивъ стожарной Паскараги
Бирюча на бѣломъ свѣтѣ нѣту!...“
Отъ словесъ апостольскихъ Планида,
Какъ косачъ въ мошищѣ, встрепенулась,
Круто буйну голову здынула,
Откатила скуфью за Онего.
Куръ-горой скуфья оборотилась,

Опушь стала ельникомъ кромѣшнымъ,
А завязка рѣчкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещеные,
Толико ученые,
Слухайте-внимайте,
На улицу бабъ не пускайте,
Ребятъ на воронецъ
Дочуять пѣсни конецъ,
На лежанку старухъ,
Чтобы голосъ не тухъ!
Господи благослови,
Царь Давидъ помоги,
Иванъ Богословъ
Дай басенькихъ словъ,
Въ подъязычный суставъ
Красныхъ погрецовъ-славъ,
А съ того, кто скупъ,
Выпѣть денежекъ рубь!...

* * *

Тысчу лѣтъ живетъ Макоша-Морокъ,
Слѣдъ крадетъ, силки за хвоей ставитъ,
Уловляетъ души человѣчьи,
Тысчу лѣтъ и Лембэй пущей правитъ
Осенщину-дань сбирая съ твари:

Съ зайца шерсть, буланый пухъ съ лѣшуги,
А съ осины пригоршню алтыновъ,
Но ни кто за тысчу зимъ и весенъ
Не внималъ напѣву Паскараги!
Растворила вѣщая Планида,
Словно складень, камень несѣкомый,
И запѣла ангельская птица,
О невзгодѣ Русь оповѣщая:

Первый зыкъ дурманнѣй косъ дѣвичьихъ
У ручья знобяникъ-цвѣтъ учуялъ,—
Онъ поблекъ, какъ щеки ненаглядной
На простинахъ съ воиномъ-зазнобой —
Вѣщій знакъ, что много дроль пригожихъ
На Руси безъ милыхъ отдѣвочатъ.

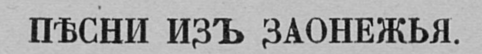
Зыкъ другой, какъ трусъ снѣговъ поморскихъ,
Какъ булатный свистъ несмѣтныхъ сабель,
Когда кровь, какъ жаръ въ кузнечномъ горнѣ,
Вспучивъ скулы, Ярость раздуваетъ,
И киркою Смерть—кладоискатель
Изъ сраженныхъ души исторгаетъ.

Третій зыкъ, какъ звонъ воды въ купели,
Когда Духъ на первенца нисходитъ,
Въ двадцать лѣтъ дѣтину сыномъ даритъ,
Молодицу-жъ—горлинку въ семнадцать.

Водный звонъ учуялъ старичище
По прозванью Сто Племенъ въ Единомъ,
Онъ съ полатей зорькою воззрился
И увидѣлъ рати супостата.—
Прогуторилъ старый; „эту погань,
Словно вошь на гасникѣ, лишь баней,
Лютымъ паромъ сжить со свѣта можно...“
Черпанулъ старикъ воды изъ Камы,
Черпанулъ съ Онеги ледовитой,
И, дополнивъ ковшъ водой изъ Дона,
Три рѣки на каменку опружилъ.
Зашипѣли Угорскія плиты,
Взмыли паръ Уральскіе граниты,
Валуны Валдая, Волжскій щебень
Навострили зубья, словно гребень,
И, какъ ельникъ, какъ надъ моремъ скалы,
Изъ-подъ камней сто племенъ возстало...

* * *

Сказенецъ—не бабье мотовило,
Послѣсловье-жъ присловьемъ не станетъ,
А на спросъ: „откуль“ да „что въ послѣдки“
Намъ програетъ Кува—красный воронъ;
Онъ гнѣздищемъ съ Громомъ помѣнялся,
Чтобъ снести яйцо—мужичью долю.



ПѢСНИ ИЗЪ ЗАОНЕЖЬЯ.

Надеждѣ Васильевнѣ
Плевицкой.

* * *

Ахъ, вы цвѣтики, цвѣты лазоревы,
Алоцвѣтнѣй вы красной зорюшки,
Скоротечнѣй вы быстрой рѣченьки!
Какъ на васъ, цвѣты, лютъ морозъ падетъ,
На муравушку бѣлый утренникъ,—
Сгубитъ зябель цвѣтъ, корень выстудитъ!

Ахъ, ты, дитятко, свѣтъ-Миколушка,
Какъ дубравный дубъ—ты матеръ-станливъ,
Поглядѣть кому—сердцу завистно,
Да осилитъ дубъ душегубъ-топоръ,
Моготу твою—штофъ зеленаго!

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ кудрявою свѣтелочка,
Во свѣтелкѣ красны дѣвушки сидятъ,
На кажинной брилянтиновый нарядъ,
На единой дочкѣ вдовиной—
Посконь съ сѣрою мѣшковиной.

Наѣзжали ко свѣтлицѣ соколья,—
Все гостиные купецки сыновья,
Выбирали себѣ женокъ по уму,
Увозили распригожихъ въ Кострому,
Оставляли по залавочкамъ труху—
Вдовью дочерь Миколашкѣ-питуху.

---

*
* *

Я сгорѣла молоденька безъ огня,
Безъ присухи сердце высушила,
Ужъ какъ мой-то мужъ недобрый до меня,
Не купилъ мнѣ-ка атласнаго платка,
А купилъ, злодѣй, коровушку—
Непорядную работушку!..

Лучше пудъ бы мнѣ масла купилъ,
Подрукавной муки-бы мѣшокъ,—
Я бы повязь съ япанечкой продала,
На тѣ деньги-бы стряпейку наняла,
Стряпея-бы мнѣ постряпывала,
Я-бъ младешенька похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ахъ, вы, красные скрипучи каблучки,
Мнѣ-ка не съ кѣмъ этой ноченькой легчи—
Нѣту дѣда, родной матери съ отцомъ,
Буду ночку коротати съ муженькомъ!

Муженечекъ на перинушкѣ лежитъ,
А меня, младу, на лавочку валитъ,
Изголовьицемъ ременну плеть кладетъ,
Потничкомъ велитъ окутаться:

„Ужъ ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
Къ пѣтухамъ парную баню истопи,
Къ утру-свѣту ленъ повыпряди,
Ко полудню вытки бѣлые холсты,
Къ сутеменкамъ муженьку сготовь порты,
У портищъ чтобъ были строчены рубцы,
Гасникъ шелковый съ кисточкою,
Еще пугвица волжоная...“
Молода жена—ученая.

* * *

Не подъ елью бѣлый мохъ
Изоржавѣлъ и засохъ,

Заростала сохлымъ мхомъ
Пахотинка-черноземъ.

Привелося на грѣхи
Раскосулить бѣлы мхи,

Призасѣять рѣпку
Не часту, не рѣдку.

Выростала рѣпа-медъ
Вплоть до тещиныхъ воротъ...

Глядь, въ осенній рѣпорѣзъ
Воръ на рѣпище залѣзъ.

Какъ на ворѣ тещинъ платъ
Красной вышивкой назадъ,

Подзатыльникъ съ галуномъ...
Неподатливъ черноземъ.

Зять воровку устерегъ,
Побивало приберегъ,

Что-ль гужину во всю спину,
На затылицу батогъ.

Завопила теща-мать:
„Государь—любимый зять,

Погоди меня казнить,
Вели говоръ говорить!

Ужъ какъ я, честна вдова,
Какъ притынная трава,

Ни ѣздокъ, ни пѣшеходъ
Муравы не колыхнетъ,

Потопталъ тимьянъ-траву
Ты на студную молву,

Я за студную бѣду
Дочку-паву уведу!

Ахъ, безъ павушки павлинъ—
Безъ казны гостиный сынъ,

Онъ въ зеленый садъ пойдетъ—
Мелко листье опадетъ,

Выйдетъ въ красный хороводъ—
Отшатится весь народъ.

Ему тамова житье,
Гдѣ кабацкое питье,

Гдѣ кружальный ковшъ гремитъ
Ретивое пепелитъ,

Ронитъ кудри на глаза
Перегарная слеза!"

———

* * *

Ахъ, подруженьки-голубушки,
Луговыя сѣры утушки,
Вы берите-ка скорешенько
Пялы новыя, точеныя,
Еще иглы золоченыя,
Шелкъ бурмитчатый, наводчатый,
Мелкій бисеръ съ яснымъ золотомъ,
Расшивайте къ сроку-времени
Разузорчатую завѣсу!
На одномъ углу—скради глаза,
Наведите солнце съ мѣсяцемъ,
На другомъ углу—рехнись ума,
Нижте дѣвушку съ прилукою!

Какъ наѣдутъ сватъ со свахою,
Поѣзжане съ дѣвьимъ выкупомъ,
Разглядятся и раззарятся
На мудрены красны шитицы,
А раззарясь, съ думы выкинутъ
Сватать павушку за ворона,
Ощипать перо лазорево,
Довести красу до омута!

ПѢСНЯ ПРО ВАСИХУ.

**Откуль пошло прозвище
Лѣшева Находка.**

Кемское преданіе.

Баба Василиста
Хороша, грудиста,
Голова кувшиномъ
Съ носомъ журавлинымъ,
Руки—погонялки,
Ноги—волчьи пялки.
Какъ пошла Васиха
Слободѣ на лихо
Берда наживати,
Самобранку ткати.
Дали ей бердище
По колу зубище...
На повозной парѣ
Ѣхали бояре,
Охобни бобровы,
Сами чернобровы:
„Помогай-тѣ Боже
Вытыкать рогожи!“

Баба Василиста
На языкъ рѣчиста,
Какъ выжлецъ у сала,
Мериномъ заржала.
„Ай, да баба-пава,
Гридняя забава...
Быть тебѣ Васиха—
Въ терему ткачихой,
За глумство-отвагу
Трескать солодягу,
За кудель на тынѣ
Окрестить отнынѣ
Красную Слободку
Въ Лѣшеву Находку!“

---

* *
*

Я ко любушкѣ-голубушкѣ ходилъ,
Голубую однорядку износилъ,
Шубу бѣличью повыволочилъ,
Коробейку мелкихъ денегъ издержалъ,
Разлюбезной воркованьемъ докучалъ;
Я куплю тебѣ гостинецъ—скатну нить,
Буду баско оболоченой водить.
Разлюби ты дегтегона-лѣсника,
Лаптевяза, да Мирона-рѣзчика,
Не подмигивай торговому въ ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу бѣлой ручкой не маши,
Не заглядывай въ рыбачьи шалаши,
У калачника не мѣшкай въ куреню,
Не давай овса гонецкому коню,
На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось въ груди!
У гонца не застоялая душа,—
Въ торбѣ ложка и походная лапша.

Онъ тебя за бѣлояровый овесъ
Доведетъ до неуемныхъ горькихъ слезъ,
Что-ль до зыбки—непотребнаго лубка,
До отцовскаго глухого кулака,
Будетъ зыбочка поскрипывать,
Красна дѣвушка повздыхивать!

---

* *
*

Меня матушка будитъ спозаранья,
Я поздешенько, дѣвушка, встаю;
Покуль бѣлое личко умываю—
Мнѣ изюмный калачикъ испеченъ,
Покуль въ цвѣтное платье обряжаюсь,
Мнѣ-ка чарочка меду подана,
Пока медомъ калачикъ запиваю,—
На работу подруженьки уйдутъ...
Отъ крестьянской работки-рукодѣлья
У подруженекъ рученьки болятъ,
Болятъ спинушка съ буйной головою,
Ретивому сердечку тяжело...
Мнѣ-жъ едина работушка далася —
Шить наводы по алому сукну.
Ахъ, съ сидѣнья, съ дѣвичьяго бездѣлья
Сполюблю я удала паренька, —
Съ распригожимъ не будетъ дѣвкѣ тошно
До замужества время коротать,—

До того ли замужества-разлуки,
До проклятаго бабьяго житья!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее дѣвичье житье:
Ужъ я высплюся дѣвушкой досыта,
Нагуляюся красной до люби.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВОЛЫНКУ.

Какъ родители-разлучники,
Да женитьба подневольная
Довели удала молодца
До большой тоски-раздумьица!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не вѣдало,—
Я на гульбищахъ погуливалъ,
Шапки старостѣ не ламывалъ.

А теперече я—молодецъ,
Словно птаха-коноплянница,
Что по зорькѣ летъ направивши,
Птицелову въ сѣть сгодилася.

Какъ лихіе путы пташицу,
Такъ станливаго молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданница.

СТИХЪ О ПРАВЕДНОЙ ДУШѢ.

Жила душа свято, праведно,
Во пустынѢ душа спасалася,
Въ листвіе нага одѢвалася,
Во бересто боса обувалася,
Притулья-жилья душа не имала,
За застольнымъ брашномъ не сиживала,
Куса въ соль не обмакивала.
Утрудила душа тѢло бѢлое
Что-ль до туги-издыханія смертнаго,
Чаяла душа, что въ рай пойдетъ,
А пошла она въ тартарары.
Закрючили душеньку два огненныхъ пса,
Учали душеньку во уста лакать...
Калыгеря-бѢсъ да бѢсъ-Ѣдунъ
Къ СатанѢ пришли съ судной хартіей...
НадѢвалъ Сатана очки геенскіе,
Садился на стуло костеножное,
Сталъ житіе души вычитывать:

Трудилась душа по-апостольски,
Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову—
Мукой мучиться душѣ не за что.
А и въ чемъ же душа провинилася,
Въ грабежѣ-ль, во разбоѣ поножевничала,
Мостовую ли гривну утаивала,
Аль чужіе силки оголаживала,
Аль на уду святъ артосъ насаживала?
Не повинна душенька и въ сихъ грѣхахъ...
А какъ была душа въ плоти-живности,
Что-ль семи годковъ безъ единаго,
Такъ въ Страстной Пятокъ она стреснула,
Не покаявшись, глупышъ масленый...
Не суди насъ, Боже, во многомъ,
А спаси насъ, Спасе, во маломъ.

Аминь.

ИВУШКА ЗЕЛЕНЕНЬКА...

Ивушка зеленѐнька—
Дѣвушка молодѐнька.
Стали иву ломати—
Дѣвку замужъ отдавати.
Красна дѣвушка догадалась,
Въ нову горницу, свѣтъ, кидалась:
„Ахъ, ты, горенка—свѣтлая сидѣльня,
Мнѣ-ка нонева не до рукодѣлья,
А еще не до смирныя бесѣды!
Ахъ, вы, пялы мои золочены,
Ворота-ли вами подпирати?
Вы шелки мои—бобчаты поясья,
По сугорамъ-ли васъ разстилати?
Ужъ вы плящія, ярыя свѣчи,
Темны корбы-ли вами палити?
Ты согрѣва—муравчата лежанка,
Не смолой-ли тебя растопити?“

Отвѣчала лежанка-тѣлогрѣйка,
Она рѣчью крещеной человѣчьей:
„Лучше-бъ тебѣ, дѣвушкѣ, родиться
Во сыромъ болотѣ черной кочкой,
Чѣмъ не милу сапогъ разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходѣя цѣловати!“

ПРОСЛАВЛЕНІЕ МИЛОСТЫНИ.

Пѣсня убогаго Пафнутьюшки.

Не отказна милостыня праведная,
На поминъ души родительской
По субботнимъ днямъ подавана
Нищей братьи со мостинами...
А убогому Пафнутьюшкѣ
Данъ поминный кусъ въ особицу.

Какъ у куса нутра ячневы,
Съ золотой наводной корочкой,
Ужъ какъ творенъ кусъ на патокѣ,
Испеченъ на росномъ ладонѣ,
А отмякъ кусокъ подъ образомъ,
Бѣлымъ воздухомъ прикутанный...
Спасетъ Богъ, возблагодарствуетъ
Кормящихъ, поящихъ,
Одѣвающихъ, обувающихъ,
Тепломъ согрѣвающихъ!

Милостыня сота—
Будетъ душенькѣ вольгота;
Хозяину въ дому,
Какъ Адаму во раю,
Дѣтушкамъ въ дому,
Какъ орѣшкамъ во меду!
Спасетъ Богъ радѣтелей,
Щедрыхъ благодѣтелей,
Аверкій—банный согрѣватель,
Душъ и тѣлесъ очищатель,
Сесентій—калужникъ,
Олексій—пролужникъ,
Всѣ святые съ нами
Въ ипостасномъ храмѣ.

Аминь.

———

* *
*

На селѣ четыре жителя,
Нѣтъ у дѣвки уважителя,—
Какъ у Власа-то савраса борода,
У Никиты носъ подбитый завсегда,
У Савелья отъ бездѣлья чернота,—
Не выводится цыгарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночкою Ипатушка
Загубилъ свою разлапушку,—
Вышибалъ ей печень черную,
За повадку непокорную,
За орѣхи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчаты платки,
На платочкахъ красны литеры—
Подарилъ купецъ изъ Питера...

Кабы я Ипату любушкой была,
Не такое-бы безчестье навела,
Накурила-бы вина позеленѣй,
Напекла-бы колобовъ погорячѣй,
Угостила-бъ супостата—миляша,
Чтобы вышла изъ постылаго душа!...

Ахъ, тальянка мѣдносборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погрецы дѣтинушкѣ—
Ласкослову сиротинушкѣ,
Чтобы дѣвку не сушила сухота,
Безъ жадобнаго не сгибла-бъ красота,
Не палила-бъ мои кречетьи глаза
Неуемная капучая слеза!

СКРЫТНЫЙ СТИХЪ.

По крещеному Бѣлому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина—
Есть проходъ лихому человѣку,
Что-ль проѣздъ ночному душегубу.
Только нѣту вольнаго проходу
Тихомудру Божью пѣшеходу
Какъ ему—Господню—путь засѣченъ,
Заваленъ проклятымъ Черпымъ Камнемъ.

Изъ пѣсенъ олонецкихъ скрытниковъ.

Не осеннiй листъ падьмя-падетъ,
Не березовый на земь валится,
Не костеръ въ бору по моховищамъ
Стелетъ саваномъ дымы-пажегу,—
На Олонъ рѣку, на Сѣкиръ гору
Сходилася нища братiя.—

Какъ Верижники съ Палеострова,
Возгорѣльщики съ Красной Ягремы,
Солодяжники съ рѣчки Андомы,
Крестоперстники съ Нижней Кудамы,
Толоконники съ Ершеѣдами,
Бѣгуны-люди съ Водохлебами,
Всяка сборица-Богомольщина:
Становилася нища братія
На великъ камень, со котораго
Бѣлъ плитнякъ плитятъ на могилища,
Опосля на немъ—внукамъ памятку—
Пишутъ теслами годъ родительскій,
Чертятъ прозвище и изочину,
На суклинъ щербятъ кость Адамову...

Не косачъ въ силкѣ ломитъ шибанки,
Черный пухъ роня, кровью капая,
Не язвецъ въ норѣ на полѣсника
Смертнымъ голосомъ кличетъ Ангела,—
Что-ль звѣринаго добра пѣстуна,—
Братья-старища свиховалися,
О булыжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вѣстку подали:
«Ты, Пречистый Спасъ, Саваоѳовъ Сынъ,—
Не поставь во грѣхъ воздыханія:
Али мы Тебѣ не служители,
Нищей лѣпоты не рачители,

Не плакиды мы, не радѣльщики,
За крещеный міръ не молельщики,
Что нашло на насъ время тѣсное,
Негдѣ нищему куса вымолить,
Малу луковку во отишьи съѣсть?—
Во посадъ идти,—тамъ табашники,
На церковный дворъ,—все щепотники,
Въ поле чистое,—тамъ Желѣзный Змій,
Ко синю морю,—въ морѣ Чудище!

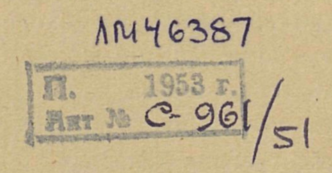
Желѣзнякъ летитъ, какъ гора валитъ,
Юдо водное Змію побратень:
У нихъ зракъ—огонь, вздохи—торопы,
Зубъ—литой чугунъ, печень мѣдная—
Запропасть отъ нихъ Божью страннику,
Звѣрю, птичинѣ на убой пойти,
Умной рыбицѣ въ глубину сплеснуть!»

Покуль старица Спасу плакались,
На кажину тварь легота нашла:
Скокнулъ заюшка изъ-подъ кустышка,
Вышелъ журушка изъ болотины,
Выдра съ омута на земь вылѣзла,
Лещъ по заводи пузыри пустилъ,
Ель на маковкѣ крестъ затеплила.
Какъ на озерѣ Пододонница,
Зелень косъ чеша, гребень выронитъ,

И пойдетъ стозвонъ по зажоринамъ,
Черезъ гатища, до матерыхъ лудъ,
Гдѣ судьба ему въ прахъ разсыпаться,
Засинѣть на днѣ ярымъ жемчугомъ,—
Такъ молельщикамъ Гласъ почуялся:
«Погублю Умъ Зла Я Умомъ Любви,
Положу препонъ силѣ Змiевой,
Проращу въ аду рощи тихiя,
По землѣ пущу воды сладкiя,—
Чтобы демоны съ человѣками
Перстнемъ истины обручилися,
За однимъ столомъ преломляли-бъ хлѣбъ
И съ однихъ древесъ плодъ вкушали бы!..»

Старцы Голосу поклонилися,
Обоюдный трудъ взяли въ розмыселъ:
Отшатиться имъ на крещену Русь,—
По лугамъ идти—муравы не мять,
Во лѣса ступить—звѣрю миръ нести,
Не держать огня, трута съ плоткою,
Что-ль того́ ножа подорожнаго,
Когда Гремъ гремитъ, Торопъ съ Вихоремъ
Въ грозовомъ бою ломятъ палицы,
Норовятъ сконать Птицу-Фiюса,
Вьюжный пухъ съ нея снѣгомъ выперхать,
Кровь зарѣ отдать, гребень—сполоху,
А посмертный грай волку сѣрому,—

Втымежъ пахарю тайнъ не сказывать.
Имъ тогда вести рѣчи вѣщія,
Когда солнышко засутемится,
И черница-темь сядетъ съ пяльцами
Подъ оконце шить златны воздухи,—
Чтобъ въ простыхъ словахъ бранный громъ гремѣлъ,
Въ малыхъ присловьяхъ буря чуялась,
Въ послѣсловіи-жъ клекотъ коршуна,
Какъ душа въ груди, ясно слышался,—
Чтобъ позналась мочь несусвѣтная,
Задолѣло-бы гору въ пястку взять,
Сокрушить ее, какъ соломину.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Мірскія Думы.

Пѣсни изъ-за Онежья.